

“ГУАНАХАТАБЕИ”, “СИБОНЕИ”, “ИНДЕЙЦЫ”: АБОРИГЕНЫ КУБЫ В XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Э.Г. Александренков

Эдуард Григорьевич Александренков | <http://orcid.org/0000-0003-2139-7353> | ed_alex@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела Америки | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

Куба, индейцы, гуанахатабеи, сибонеи, энкомьенда, поселение индейцев

Аннотация

Известные мне испанские источники времени завоевания и колонизации испанцами острова Куба (первая четверть XVI столетия) зафиксировали только два слова для названия разных групп местного населения: “гуанахатабеи” и “сибонеи”. Однако затем испанцы не пользовались этими этнонимами и всех туземцев называли “индейцами”. В первые годы колонизации число коренных обитателей значительно уменьшилось. Кроме того, они постоянно смешивались с испанцами. На Кубе не сохранилась особая категория населения, называемая “метисами”, и к середине XVII в. за лицами смешанного индейско-испанского происхождения закрепилось слово “индейцы”. Более того, это слово стало самоназванием для части, пусть и небольшой, населения острова. Целью данной статьи является изучение названных трансформаций, которые недостаточно описаны в литературе, хотя имели место в ряде областей Америки.

Термин “индейцы” долгое время служил для обозначения почти всех коренных обитателей Америки (кроме алеутов и эскимосов). Он был наложен на них европейцами и четко отделял местных жителей от пришельцев из Старого Света. Это разделение первоначально подразумевало отличия в физических чертах, языке и образе жизни в целом. На протяжении нескольких десятилетий в ряде испанских колоний, включая Кубу, слово *indio* (индеец), будучи по происхождению экзонимом, стало также эндонимом. На Кубе за этот период времени количество его носителей резко сократилось. Они утратили прежний язык и все элементы прежней духовной культуры. В XVII в. “индейцами” стали называться лица индейско-испанского происхождения (большая их часть). До наших дней такие люди сохранились на самом востоке острова. Они не отличаются по языку и культуре от соседей, но продолжают считать и называть себя “индейцами”; так их называют и соседи. В данной статье будут рассмотрены обстоятельства, которые привели к такому результату. Это возможно благодаря наличию опубликованных документов, созданных в периоды открытия Кубы и

Статья поступила 19.01.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 09.08.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Александренков Э.Г. “Гуанахатабеи”, “сибонеи”, “индейцы”: аборигены Кубы в XVI – первой половине XVII в. // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 178–195 <https://doi.org/10.31857/S0869541522060100> EDN: MRVFZP

Aleksandrenkov, E.G. 2022. “Guanakhatabei”, “sibonei”, “indeitsy”: aborigeny Kuby v XVI v. – pervoi polovine XVII v. [On “Guanahatabeys”, “Siboneys”, and “Indians”: The Aborigines of Cuba in the 16th – First Half of the 17th Century]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 178–195 <https://doi.org/10.31857/S0869541522060100> EDN: MRVFZP

ее колонизации (сообщения путешественников, начиная с Христофора Колумба, отчеты представителей испанской короны на острове), а также сочинений нескольких историков того времени. Из этого обширного круга свидетельств были извлечены те, которые отражали понимание слова “индеец”. Расположение их в хронологическом порядке дает возможность увидеть трансформации этого понимания во времени.

Обитатели Кубы в период открытия острова

Корабли Христофора Колумба подошли к берегам Кубы в октябре 1492 г. с севера, пройдя острова, что сейчас называются Багамскими. Сведения об этом сохранились в бортовом журнале Колумба. Испанцы не знали языка местных обитателей, и записи Колумба отражают лишь то, что он мог наблюдать. Итак, он увидел “хорошие селения”, где жилища из пальмовых листьев, которые имели вид очень больших шатров, были расположены, как палатки в лагере, а улицы отсутствовали. Внутри испанцы нашли много скульптурных изображений женских фигур и “очень хорошо сделанных” масок, а также сетей, крючков и других приспособлений для ловли рыбы (*Colón* 1961: 74–75). Колумб не единожды отмечал наготу встреченных им людей. Появляются обобщения – “эти люди очень смиренные и робкие, нагие, как я сказал, без оружия и без закона” (*Ibid.*: 82).

В один из дней Колумб отправил двух испанцев и одного аборигена во внутренние районы острова. Посланники нашли поселение из 50 домов в виде огромных шатров (*alfaneques*), где обитали, по словам испанцев, 1000 человек. Пришельцев встретили очень торжественно и разместили в лучших домах, предоставив еду. Самые почтенные люди поселения взяли их под руки, ввели в главный дом и усадили на два сиденья, а мужчины уселись вокруг на земле. Пришедший с испанцами индеец, по их же словам, рассказал аборигенам о жизни христиан и о том, какие они хорошие люди. Затем мужчины вышли, вошли женщины и так же сели вокруг, целуя руки и ноги испанцам (*Ibid.*: 82). Колумб отмечал плодородие местных земель, писал о том, какие культуры возделывают местные жители, а также продолжал характеризовать людей следующим образом: они очень незлобивые и не воинственные, нагие, “как мать их родила” (*Ibid.*: 85–86).

На востоке острова испанцы встретили большие поселения и “очень возделанные земли” (*Ibid.*: 105–106). Там же видели лодки, одна из которых, по мнению Колумба, могла вместить 150 человек. Обитатели встреченных поселений в страхе убегали. Здесь Колумб упомянул орудия местных людей – дротики, на конце которых были острые обожженные палочки (*Ibid.*: 110–113). От берегов Кубы Колумб вышел к Гаити, откуда вернулся в Испанию.

Во втором плавании за Атлантику суда Колумба, отойдя от Эспаньолы (так испанцы стали называть остров Гаити) в конце апреля 1494 г., прошли вдоль южных берегов Кубы. Теперь у него был переводчик из тех людей, что он пленил в первом плавании. Об этом походе написали несколько авторов того времени. Первым, видимо, был итальянец Микеле Кунео, участник плавания. Наиболее интересные моменты в его письме – это данные о запасах рыбы и игуан у встреченных людей, а также сообщение об обитателях небольших островов, пищей которым служила рыба, а питьем, по словам Кунео, – морская вода, так как пресной там не было. Цвет кожи этих людей показался Кунео более темным, чем у обитателей других островов (*Cuneo* 1893: 103–104). У хрониста Педро Мартира, пользовавшегося рассказами участников плавания, есть некоторые детали, которых нет у Кунео. Наиболее существенная из них – это сообщение о том, что переводчик, индеец Диего, не смог понять речь человека, проживавшего в западной части Кубы (*Martyr D'Anghera* 1912: 98–99). Об этом плавании

рассказано также в книге сына Христофора Колумба, Фернандо (*Colón* 1944: 143–153); писал о нем и Бартоломе де Лас Касас, который почерпнул сведения у П. Мартира и Ф. Колумба (*Las Casas* 1951. Т. I: 391–392).

Пожалуй, наиболее подробно о пребывании Колумба у южных берегов Кубы написал королевский историк Андрес Бернальдес, получивший информацию от самого Колумба и от других участников экспедиции. Бернальдес отмечал гостеприимство и миролюбие, с которыми местные жители разных областей встречали мореплавателей, а также обилие пищи, предложенной туземцами. Бернальдес упоминал о том, что на западе острова один испанец будто бы видел людей, среди которых было несколько человек в длинных белых туниках. В другом месте уже местные жители говорили о правителе, который будто бы носил тунику, которая стлалась по земле.

После нескольких дней плавания, найдя воду и запасшись дровами, Колумб направился к Ямайке (*Bernaldez* 1875: 46–48, 62–65). От Ямайки корабли Колумба опять вышли к Кубе, к провинции Орнофай. Здесь мореплаватель беседовал с местным вождем и сопровождавшим его стариком. Из написанного Бернальдесом следует, что Колумб понимал то, что говорил и показывал жестами старик, а ответ Колумба излагал переводчик, который, кроме того, рассказал собравшимся о том, что он сам видел и узнал в Испании. Бернальдес со слов Колумба так суммировал впечатления от этой встречи испанцев с местными жителями: “Все те люди, островитяне и материковые, хотя кажутся глупыми и ходят нагими, согласно Адмиралу и тем, кто были с ним в этом путешествии, показались им достаточно разумными и острого ума”. Из Орнофая мореплаватель пошел на юг, но ветры заставили его идти в провинцию Макака, где он также был хорошо принят (*Ibid.*: 66–72). В четвертом плавании, в 1503 г., Колумб вышел к селению Макака на Кубе, где пополнил припасы (*Colón* 1944: 287–288).

Позже до южных берегов Кубы доходили испанские суда, вышедшие из северо-западных земель южноамериканского материка. Такой случай описал Мартир по рассказу очевидца, конкистадора Мартина Фернандеса де Энсисо. По его словам, туземцы приняли его любезно, особенно люди касика¹ по имени Комендадор. Это имя касик получил, когда проходившие через его земли испанцы крестили его, и он попросил назвать себя в честь правителя соседнего острова². У Комендатора в течение некоторого времени выздоравливал испанский моряк, который затем успешно возглавлял военные походы касика. Испанец убедил касика оставить своих богов и сделать своей покровительницей Богородицу. По просьбе касика испанец отдал ему образ Девы и посвятил ей церковь и алтарь. Следуя наставлениям моряка, касик и его люди на заходе солнца приходили туда, становились на колени, склоняли головы, брались за руки и повторяли *Ave Maria*. Когда туда прибыл Энсисо со своими людьми, индейцы показали им образ в окружении гирлянд и сосудов с пищей и питьем. Мартир привел краткий рассказ Комендатора о том, как его люди с помощью образа Девы Марии побеждали своих соседей-противников. Как результат, эти соседи попросили Энсисо окрестить их, и два священника за один день крестили 130 человек (*Martyr D'Anghera* 1912: 240–245).

Лас Касас в “Истории Индий” повторил написанное Мартиром о моряке, попавшем к Комендатору, и тоже не назвал его имя (*Las Casas* 1951. Т. II: 519–520). Видимо, речь шла об Алонсо де Охеда, о котором Лас Касас писал в другом месте своей книги. По этой версии, в 1510 г. испанское судно вошло в залив Хагуа в центральной части Кубы, откуда испанцы по суше направились на восток. Местные жители не допускали их в свои поселения и пытались убить. Однако в другом месте, в поселении Кузиба, куда испанцы пришли после многодневного перехода по болотам, их встретили доброжелательно – накормили, вымыли, дали отдохнуть.

Местный касик послал за отставшими, и тех, кто не мог идти сам, принесли на плечах. Испанцы провели в этом селении много дней. Охеда подарил касику образ Богоматери, возвел молельню с алтарем и, по словам Лас Касаса, как мог, объяснил индейцам, что мать Бога, обитавшего на небе, была защитницей людей. И индейцы стали почитать этот образ, украсили церковь хлопковыми полотнами, подметали, поливали и даже устраивали ареито (*areito*) (речь идет об общественных церемониях, состоявших из танцев и песнопений, которые были названы испанцами индейским словом “ареито” и играли важную роль в жизни аборигенов). Окрепнув, испанцы отправились дальше на восток и дошли до поселения Макака, где тоже были приняты хорошо (*Las Casas* 1951. Т. II: 401–404, 533).

Из представленного выше видно, что первые встречи испанцев с аборигенами Кубы проходили преимущественно мирно. Корабли Колумба могли спокойно пополнять запасы пресной воды, дров и продовольствия. Очевидно, те общины, с которыми соприкасались испанцы, не только в достатке обладали пищей, но и были в состоянии часть ее отдать. Во время второго плавания Колумб имел возможность беседовать с местными вождями; при этом, судя по описаниям этого плавания, аборигены и пришельцы общались на равных. Сходным образом в большинстве случаев проходили позже и встречи аборигенов Кубы с другими испанцами, которых ветра и течения заносили к берегам острова. В некоторых случаях местные обитатели под влиянием пришельцев добровольно принимали новые для них формы верований.

Аборигены острова в ранний колониальный период

Отношения равенства изменились, когда испанцы приступили к завоеванию Кубы. Отправившись с Эспаньолы под предводительством Диего Веласкеса, они высадились на самом востоке острова летом 1510 г. По расчетам кубинского демографа Х. Переса де ла Рива, к тому времени на Кубе могло обитать 112 тыс. человек. Большая их часть, 61 тыс., находилась на востоке, на территории провинции Ориенте. От Ориенте до Матансас демограф разместил 41 тыс. человек; на западе острова, по его предположению, находилось 10 тыс. человек; 90% населения, по его мнению, составляли земледельцы, занимавшие восточные и центральные области острова (*Pérez de la Riva* 1972: 61–84).

Участники первых плаваний у берегов Кубы и те, кто побывал на острове до его завоевания испанцами, не называли ни одного этнонима. В сообщениях Веласкеса встреченные аборигены фигурировали как “индейцы”. Однако позже испанцам стало известно о гуакахатабейбах (*guanahatabibes*), проживавших на самом западе острова, у которых жилище, “как у дикарей, потому что у них не было ни домов, ни мест поселений, ни земледелия, и они не едят ничего, кроме мяса, что добывают в лесах, и черепах, и рыбы” (CDI 1869: 424–425). Схожим образом о них писал Лас Касас в 1516 г., назвав их гуакахатабейями (*guanahatabeyes*): они живут, как дикари, не вступают в общение с индейцами острова, у них нет домов, они находят постоянно в пещерах, которые покидают только тогда, когда выходят ловить рыбу³. Там же упомянуты, без указания области их расселения, сибуней (*cibuneyes*), которые, по мнению Лас Касаса, индейцами острова воспринимались как слуги. И таковы же, считал он, почти все обитатели Садов⁴, названные Лас Касасом бродягами (*holgazanes*), которые не занимаются земледелием или чем-то другим, а живут только за счет ловли рыбы (*Las Casas* 1958: 14). Очевидно, Лас Касас объединил гуакахатабеев, сибунеев и жителей Садов по той причине, что они не занимались земледелием. Очевидно также, что он их отделял от “индейцев острова”, т.е. большинства населения Кубы, земледельцев, этнонима для которых он не приводит.

Несколько десятилетий спустя Лас Касас уже по-другому писал о коренном населении Кубы. По его мнению, первыми насельниками острова были “люди простейшие, мирные, кроткие, нагие, без помысла причинить кому-либо зло”. На их языке, пишет Лас Касас, они назывались “сибонейями” (*siboneyes*). Позже с Эспаньолы на Кубу переселилось некоторое количество людей; главной причиной перехода было то, что испанцы начали притеснять туземцев острова. В результате пришельцы с Эспаньолы подчинили сибонеев. Беглец с Эспаньолы, касик Атуэй, осел на Кубе в провинции Маиси (*Las Casas* 1951. Т. II: 507, 514). Здесь Лас Касас не назвал гуанатабеев и индейцев Садов. Можно только предположить, что он не сделал этого на том основании, что они, как он писал ранее, такие же, как сибуней (сибоней).

Ни в одном источнике, содержащем сведения о событиях колониально-го времени, т.е. после завоевания острова, я не нашел упоминания о гуанатабеех и сибонейях. Нет в этих источниках и какого-либо противопоставления обитателей самой западной части Кубы остальным аборигенам острова. Для колонистов и для властей все местные жители стали “индейцами”. От них в течение некоторого времени испанцы отделяли кайос (*cayos*), обитателей небольших островов⁵. Территория проживания земледельцев Кубы, которые составляли большинство населения острова, ко времени прихода испанцев делилась на несколько самостоятельных единиц, которые у испанцев получили название “провинций” или “касикатов” (*cazicazgos*). На этих землях находилось какое-то количество поселений, во главе которых стоял наиболее сильный касик. Между отдельными касикатами, как правило, были необитаемые или малонаселенные области. Социальная структура поселений, как можно судить по упоминаниям испанцев, была трехчастной: касик, его слуги, индейцы. Важную роль в жизни аборигенов играли ареито.

Когда испанцы высадились на Кубе, они легко преодолели слабое сопротивление Атуэя, который был схвачен и сожжен. Веласкес заложил первое испанское поселение, Баракоа, и испанцы несколькими отрядами двинулись на запад. В районе Баямо отряд Панфило Нарваэса подвергся ночному нападению индейцев, но и оно не имело успеха. Продвигаясь на запад, испанцы не имели военных столкновений с аборигенами. Тем не менее в поселении Каонао, в провинции Камагуэй, они напали на собравшихся там индейцев и убили, по словам Лас Касаса, очевидца событий, несколько сотен взрослых и детей (*Las Casas* 1951. Т. II: 535–538). В “Истории Индий” Лас Касаса представлено, как продвигались испанские отряды по острову. Так, после Каонао они разбили лагерь там, где было много посадок маниоки. У каждого испанца была своя хижина с мужчинами и женщинами, которых он вел с собой. Ибо, по словам Лас Касаса, никто (или немногие) не вел с собой меньше 8–10 человек, которых “добром или силой” взяли в тех селениях, что остались позади. Мужчин посылали за маниокой и на охоту, женщины делали из маниоки хлеб (*Ibid.*: 539).

К концу 1514 г. остров оказался в распоряжении испанцев. Были заложены еще несколько поселений (*villas*): Баямо, Санти-Спиритус, Тринидад, Пуэрто-Принсипе, Гавана и Сантьяго-де-Куба. Испанцы, получавшие статус “весино” (*vecino* – полноправный поселенец, как правило, семейный) той или иной ви-льи, имели право на усадьбу в поселении и землю для ведения хозяйства вне его, а также на энкомьенду⁶. По мере продвижения на запад и основания поселений Веласкес наделял участников захвата острова работниками из индейцев. Какая-то часть местных жителей, по преимуществу мужчины, попала в рабство.

В 1516 г. Лас Касас, только что вернувшийся с Кубы, где он служил в качестве войскового капеллана в 1514–1515 гг., написал, что в военных действиях погибло 15–20 индейцев, а за три-четыре месяца работы на приисках их умерло

100 тыс.⁷ Лас Касас назвал следующие причины: во время завоевания острова испанцами индейцы не могли сеять в течение полутора и более лет; когда они были разделены между испанцами, их заставили добывать золото, и у них не было запасов еды, и их практически не кормили; чрезмерный труд. На работу на приисках людей выводили до того, как начинался день, и там они копали до полудня, промывая золото, без еды и воды. В полдень им давали зерна (видимо, маиса) и, возможно, очень мало касабе. Зерна запивали водой, полной земли и ила, после этого работали до темноты. Ужинали тем же, что в обед, и спали на земле, вследствие чего многие заболели и умирали. Умерло также много женщин и детей, так как их некому было обеспечить пищей⁸.

Лас Касас назвал и другие сферы хозяйства, где эксплуатировался труд аборигенов. Они переносили грузы (как он написал, тягловыми животными были сами индейцы), вес которых был в две-две с половиной арробы⁹ и больше, на расстояние от 40 до 150 лиг. И им, как и работникам приисков, почти не давали еды. Их посылали на ремонт дорог, также недостаточно снабжая пищей. Индейцы были и гребцами судов (*barcos*), которые ходили на расстояния от 50 до 100 лиг; и, так как их практически не кормили, они умирали от голода. Нарушая королевские распоряжения, индейцев заставляли работать в праздники и воскресенья, а если случались свободные дни, они бродили в поисках пищи и, как заметил Лас Касас, в то время, когда они должны были отдыхать, они умирали. Испанцы забирали местных женщин и держали их как наложниц, жестоко обращаясь с ними¹⁰ (*Las Casas* 1958: 3–4). С Кубы шло снабжение испанцев, поселившихся в недавно основанной на материке Кастилии – дель-Оро, и на острове были хозяйства, где выращивали свиней и делали хлеб из маниоки на вывоз (CDI 1891. Т. 6: 5; *Las Casas* 1951. Т. III: 258). Там тоже должны были трудиться индейцы, единственная рабочая сила на острове на тот период времени. От непривычного и непосильного труда аборигены старались бежать, но их преследовали, ловили и наказывали. Лас Касас писал, что от бессилия и отчаяния они целыми семьями вешались и травились (*Las Casas* 1951. Т. III: 103–104).

В 1512 г. в Испании были приняты “Законы Бургоса”, которые должны были привести в норму эксплуатацию аборигенов испанцами. Законы регламентировали все аспекты жизни аборигенов, трансформируя большую их часть: труд, жилье, пищу, социальную структуру, семью и верования (*Konetzke* 1953: 38–57). Но эти законы не остановили падение численности аборигенов на островах, в том числе на Кубе. Помимо названных голода и чрезмерного труда, демографы отмечали эпидемии, самоубийства, высокую детскую смертность, вывоз аборигенов в другие земли и некоторые другие факторы (*Pérez de la Riva* 1972: 78–83).

Индейцы энкомьенды

На Эспаньоле сложилась практика разделения индейцев, предоставляемых колонистам короной, на две основные категории: “индейцы касика” и “набории”. Первые, когда не работали на хозяина-испанца, оставались под властью своего касика и проживали в своем поселении. Вторые по разным причинам находились в полном распоряжении своего испанского хозяина и обитали на территории его двора в испанском поселении или в поместье (*Александренков* 2017). В первые годы оккупации Кубы аборигены вручались во владение одному человеку преимущественно целыми поселениями, хотя были и вручения другого рода, в том числе одно поселение двум колонистам. Со временем, особенно при смене правителей острова или при необходимости предоставить энкомьенду новым поселенцам, имели место передел и дробление энкомьенд¹¹. Энкомендированные переходили от одного хозяина к другому, что, как неодно-

кратно отмечали современники, усиливало их эксплуатацию и влекло за собой уменьшение общего числа аборигенов.

В 1524 г. умер первый испанский правитель Кубы, Диего Веласкес, что вызвало не контролируемое короной перераспределение энкомьенд. Новому правителю, Гонсало де Гусману, предписывалось заняться разделением, основываясь на прежних королевских распоряжениях (CDI 1885. Т. 1: 342–344). К 1530 г. относится документ об энкомьендах индейцев Кубы, которые имели место с 1526 по 1530 г. В нем упомянуты 19 индейских поселений: Gvayguano, Guamayabon, Manumano, Salamanca, Yaguayhay, Aguahay, Sevilla, Gueraayo, Tinama, Aguaycanama, Guanabacoa, Aguayguano, Canareo (или Canaria), Hubahaybana, Sanlucar, Guruuguanico, Ana, Mayar, Canabacoa. Большая часть названий – индейские и, видимо, населенные пункты с этими названиями появились до прихода испанцев. Саламанка, Севилья, Канария, Санлукар – испанские слова и, возможно, эти поселения были образованы в соответствии с “Законами Бургоса”, но в источниках я не нашел упоминаний об этом. Некоторые поселения названы без упоминания касиков. Обращают на себя также внимание неоднократные пожалования индейцев без указания их касика или поселения, что можно рассматривать как свидетельство исчезновения (в любом случае, ослабления) института касиков.

Также в документе иногда речь шла о двух категориях индейцев, различение которых было обязательным для испанцев полтора десятилетия ранее – “индейцы касика” и “домашние набории”. Иногда это различие выражалось как “индейцы разделения” и “домашние набории”. Но в большинстве случаев говорилось об “индейцах” и “набориях”. В цитируемом перечне явственен неоднократный переход отдельных лиц, нескольких человек, поселения целиком или его части от одних испанцев-пользователей к другим. Этот фактор не только способствовал усилению эксплуатации аборигенов, но и разрушал остатки общинных структур и связей. Сокращалось число касиков. Уже в некоторых документах 1520-х годов говорилось об “индейцах поселений”, а не об “индейцах касиков”. Должно было уменьшаться и количество индейских поселений.

На Кубе, как и на Эспаньоле и на Сан-Хуане, корона намеревалась создать поселения аборигенов, свободных от энкомьенды. В ряде королевских грамот, начиная с правления Овандо (1502–1509), шла речь об индейцах, которые могли бы жить без попечительства испанцев, хоть и под их присмотром. В грамоте от декабря 1525 г. на имя вице-провинциала доминиканского ордена в Индиях говорилось, что всегда целью королей было освобождение индейцев, чтобы они жили цивилизованно, были привлечены к католической вере и освобождены от работ, – чтобы сохранялись и множились, а не уменьшались в числе. Поэтому те индейцы, которые по каким-то причинам не были энкомендированы, должны были быть освобождены, и им следовало определить их занятия и подати (Konetzke 1953: 79).

В сентябре 1526 г. аналогичная грамота была составлена относительно Кубы. Испанские поселенцы острова были против освобождения даже части индейцев. И обосновывали это тем, что, будучи свободными, те примкнут к бунтовщикам, которых, как утверждали колонисты, было большинство, убьют испанцев и “вернутся к порокам идолопоклонства”. Высказывалось также опасение, что испанцы, лишённые индейцев, уйдут в другие земли, и Кубу придется завоевывать заново (Ibid.: 84–85). Рохас утверждал, что индейцы могут достичь чего-либо хорошего только под страхом и принуждением и не способны жить самостоятельно (CDI 2 1888. Т. 4: 400–402). Гусман, другой правитель Кубы (в то время уже бывший), в письме королеве, датированном апрелем 1537 г., возражая против предоставления индейцам четырехмесячного перерыва в работах на испанцев (преимущественно на приисках), обосновывал это тем, что в тот период они совершали безрассудные поступки (*desvarios*) – некоторые

задумывали побег, другие совершали самоубийства. В этот перерыв они собирались на ареито, проходя до назначенного места 50–60 лиг (Гусман писал об индейцах испанских усадеб в Сантьяго). По словам Гусмана, ареито редко обходились без многих смертей. Находясь же на рудниках или занимаясь другими работами, индейцы становились толстыми и ухоженными, утверждал Гусман (Ibid.: 423–424)¹². Корона настаивала на проведении опыта по освобождению индейцев от энкомьенды (Papeles 1931: 132–135). Это противостояние длилось несколько лет. Наконец, поселение было основано в районе Баямо, переживало разные периоды, и к началу 1540 г. в нем насчитывалось не более 10 человек (CDI 1891. Т. 6: 139).

В 1530-е годы на Кубе насчитывалось от 4,5 до 5 тыс. индейцев, (цифры приведены на основе данных, предоставленных королевским чиновником, бывшим на Кубе в 1532 г.). По его подсчетам, на острове находилось почти 500 рабов-“негров”¹³; сведений о количестве проживавших там испанцев у него не было (CDI 1888. Т. 4: 252). Большая часть индейцев, как и в доколониальный период, была, очевидно, сосредоточена в восточной части острова. Губернатор Рохас, докладывая о проведенной им инспекции острова в 1534 г., утверждал, что в Тринидаде и Санти-Спиритус (это центральная часть острова), индейцы репартимьенто (разделения местных) уже “почти закончились”, и испанцы там жили за счет труда привозных индейцев-рабов (Ibid.: 336).

В документе 1532 г., содержащем обвинения против бывшего губернатора, при неоднократном упоминании энкомендированных индейцев (разной численности) гораздо реже названы набории (Ibid.: 202–235). В списке испанцев весино Тринидада и Санти-Спиритус, составленном Рохасом, где были перечислены находившиеся в энкомьенде аборигены (наряду с рабами из Африки), которыми располагал каждый испанец, энкомендированные названы одним словом – “индейцы”. Отсутствие деления на “индейцев касика” и “наборий” говорит, видимо, о том, что подобное разграничение утратило свою значимость по причине отсутствия индейцев касиков и, видимо, самих касиков. Более значимым стало разграничение между местными энкомендированными индейцами и индейцами-рабами, в большинстве своем привозными. Это разграничение могло быть выражено по-разному: “местные индейцы” (*yndios naturales*) и “индейцы-рабы” (*esclavos yndios*) (Ibid.: 283), “индейцы” и “индейцы-рабы”, среди которых иногда различались местные и привозные (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 80). В то время аборигены Кубы в большинстве своем не знали языка своих хозяев. Известно, по крайней мере, что губернатор Рохас в один из эпизодов своего похода по острову общался с ними через переводчика (CDI 1888. Т. 4: 324).

Сопrotивление индейцев испанскому господству

1520–1540-е годы на Кубе – время активного сопротивления аборигенов испанским колонистам, начало которого историки иногда связывают со смертью Веласкеса. На самом деле, первые стычки с беглыми кайо были еще при этом губернаторе. Они разорили усадьбу предводителя испанцев, убили двух испанцев и увели много местных индейцев. Карательные меры со стороны властей включали смерть для сопротивлявшихся, а для остальных – разные меры наказания. Пленных предводителей следовало казнить – там, где это послужило бы уроком для других, как сказано в документе (Papeles 1931: 89–92).

Кубинский историк Ф. Пичардо Мойя выявил три группы восстаний индейцев Кубы и связал их с обитателями определенных областей. С 1523 по 1530 г. испанцев тревожили кайо, о которых речь шла выше. Восстания 1524–1532 и 1538–1544 гг. имели место на самом востоке острова – от мыса Маиси к западу

до Сантьяго (на юге) и Баракоа (на севере); обитателей этого региона Пичардо Мойя назвал тайнами (*Pichardo Moya* 1945: 13). Ничего похожего не было в центральных областях острова и на западе, хотя в районе Тринидада и Гаваны какое-то время были лагеря беглых (*Ibarra* 1976: 65).

Действия непокорных имели разные формы и масштабы – от нападений на одиноких испанцев и их индейцев до разорения усадеб, сожжения жилищ и убийства скота. Для борьбы с ними создавались специальные отряды, которые преследовали бунтовщиков. Тех, кто не бежал, убивали или пленили, чтобы затем казнить (CDI 1885. Т. 1: 152; CDI 1888. Т. 4: 164–165). С 1530 г. в провинции Баракоа стал известен Гуама, в подчинении у которого было несколько десятков человек (CDI 1888. Т. 4: 168, 254). Только в январе 1533 г. в метрополию сообщили, что большая часть его людей была убита (*Ibid.*: 308). Через два года губернатор Мануэль Рохас докладывал королю, что земля “замирена” от беглых индейцев (их он назвал симарронами), хотя в некоторых местах они остались, не причиняя вреда (*Ibid.*: 371, 385–386).

Известны были и пассивные формы сопротивления, в том числе такие, как самоубийство. В 1522 г. на Кубе состоялось судебное разбирательство по обвинению одного из первых конкистадоров Кубы Васко Поркальо де Фигероа, которому вменялось насилие по отношению к его индейцам. Поркальо признал, что трем взрослым индейцам и одному подростку он велел отрубить яички и члены. Взрослых он заставил есть эту плоть, обмазанную землей, а затем велел их сжечь. Были сожжены и еще двенадцать человек, “которые, по словам Поркальо, ели землю”. Поркальо объяснил свое решение тем, что в некоторых землях Кубы умирало до половины индейцев из-за поедания ими земли, и он хотел предотвратить это (CDI 1885. Т. 1: 124–125).

Что касается бунтов, то их причиной сами испанцы считали плохое обращение хозяев со своими индейцами. Бунты усилились, когда в 1539 г. губернатор Эрнандо де Сото ушел во Флориду, уведя многих местных испанцев, в том числе Васко Поркальо, которого индейцы боялись (CDI 1891. Т. 6: 48–50, 58). Колонистам стало известно, что индейцы, как беглые, так и мирные, пели на ареито, что испанцы долго не продержатся, так как остались только больные и слабые (*Ibid.*: 95). Против симарронов местные власти направляли специально созданные отряды, в которых, помимо испанцев, были “негры” и индейцы (*Ibid.*: 75–77). 1541 г. знаменателен тем, что в этом году отряд для преследования беглых состоял только из индейцев, и его возглавлял индеец. Среди 24 человек отряда были аборигены, находившиеся “на свободе” (т.е., видимо, из поселения-“опыта”), а также “хорошие”, выбранные из тех, что были у испанцев (в энкомьенде). Они получили снаряжение и, прочесывая остров, как сказано в источнике, наткнулись на лагерь беглых. Было убито 16 мужчин, столько же мужчин и женщин было схвачено, какая-то часть ушла. Пленных привели в Сантьяго, где их казнили. Из другого документа известно, что правые руки убитых предьявлялись как свидетельство их смерти. Все члены этого отряда получили много почестей и хорошую плату за работу, чем они, по словам авторов документа, остались очень довольны и выразили желание впредь ее исполнять (*Ibid.*: 175; 223). Активная борьба коренных обитателей острова с испанцами прекратилась в 1540-х годах – судя по тому, что позже о ней не говорилось в документах¹⁴.

“Новые законы” и индейцы Кубы

В последовавшие несколько лет в метрополии индейцы Кубы не были главными действующими лицами, хотя решалась их судьба. В метрополии завершилась тяжба между противниками энкомьенды и ее защитниками. На засе-

даниях Хунты, обсуждавшей с мая по ноябрь 1542 г. вопросы энкомьенды в испанских колониях, большинство высказалось за ее отмену, и 20 ноября 1542 г. были подписаны законы, получившие название “Новых” (*Morales Padrón* 1979: 422). Примечательно, что об индейцах островов Сан-Хуан, Куба и Эспаньола в законах говорилось отдельно¹⁵. Повелевалось не беспокоить их податями и службами бóльшими, чем тамошних испанцев, и “оставить их отдыхать” (*se dejen holgar*) – чтобы они множились и были наставляемы в католической вере (*Konetzke* 1953: 216–220). Как и в случае с “опытом”, колонисты Кубы, лишившиеся рабочих рук, были против освобождения индейцев. На их стороне оказались духовные власти. Так, епископ полагал, что индейцев нельзя будет наставлять в вере, так как они займутся ареито и предадутся порокам и разврату. В течение четырех месяцев отдыха индейцы, по словам епископа, только этим и занимаются, а также бродят и ловят рыбу в реках, и за это время забывают все, чему были научены за восемь месяцев работы (*CDI* 1891. Т. 6: 184).

Ко времени противостояния колонистов Кубы применению “Новых законов” и отмене рабовладения и энкомьенды относится отчет епископа Сармьенто о его инспекционном обходе острова, который дает некоторое представление о составе населения острова в целом. Вот какова названная им численность разных групп жителей в различных частях Кубы: Баямо – 30 весино (испанцев), женатых и в брачном возрасте, 400 индейцев наборий (т.е. местных, энкомендированных), около 200 “негров”; Пуэрто дель Принсипе – 14 весино, 235 энкомендированных индейцев, 160 рабов (“негров” и индейцев); Савана (поселение Васко Поркальо) – 80 индейцев (набориев и уроженцев Кубы), 120 “негров”-рабов; Санти-Спиритус – 18 женатых весино¹⁶; Гавана – 40 весино, 120 набориев и 200 рабов, индейцев и “негров” (*Ibid.*: 228–232). Епископ не назвал количество индейцев и рабов в Сантьяго, хотя несколько раз упоминал о них. Не назвал он и количество индейцев в Тринидаде, так как он туда не ходил по той причине, что там не жили весино-испанцы¹⁷. Не назван им и Баракоа. Также не упомянул он ни одного индейского поселения, которые еще должны были существовать в то время. Видимо, их обитатели приписывались к испанским вильям, которые были административными единицами. Какое-то число индейцев, как энкомендированных, так и рабов, могло обитать в самих испанских поселениях.

О жизни индейцев Кубы перед отменой энкомьенды и рабства известно немного. Наибольшее количество информации доступно об их работе на золотых приисках, о которой писали как противники, так и защитники энкомьенды. Индейцы исполняли также другие работы в разных хозяйствах испанцев – женщины выпекали касабе, мужчины обрабатывали землю и, вероятно, пасли скот. Эти процессы не описаны, и почти ничего не известно об их домашней жизни. Сармьенто упоминал о вознаграждении энкомендированных индейцев за труд одеждой (эта форма поощрения называлась, видимо, индейским словом *какона*) – в одних местах оно осуществлялось регулярно, в других – нет. При этом епископ написал, что для самих индейцев не имеет значения, надета ли на них одежда или нет.

К этому времени не была достигнута одна из главных целей короны – приобщить аборигенов к католической вере. Христианизация могла быть более успешной среди аборигенов, живших с хозяевами в испанских поселениях. Так, согласно Сармьенто, в монастыре г. Сантьяго “всех индейцев и негров” собирали по праздничным дням и рассказывали им о христианской доктрине. По-другому дело обстояло в глубинке. По словам того же Сармьенто, он и настоятель францисканского монастыря в Сантьяго несколько раз посылали одного монаха во внутренние районы, и это не принесло результата – индейцы бежали. Был послан второй монах, который вернулся, побывав у индейцев

Баямо и Пуэрто-Принсипе. Сармьенто не описал его деятельность, но отметил, что тот “ревностен в обращении индейцев”. Сармьенто сообщил также, что старается, чтобы энкомендеро обучали индейцев доктрине, но “это на них производит мало впечатления” (CDI 1891. Т. 6: 224). Лишь относительно Поркальо он написал, что его капеллан наставлял индейцев и рабов, при этом Поркальо заботился о наставлении лишь тех индейцев, которые работали в его доме. Индейцы Баямо, утверждал епископ, мало склонны к делам веры. Несколько лет спустя (1546 г.) губернатор Чавес сообщил королю, что он велел привести к нему индейцев, которые лучше остальных владеют кастильским языком, и спрашивал их о “христианских вещах” (*cosas de cristianos*). Оказалось, что “они так далеки от них, как если бы о них не знали”. Губернатор был уверен, что причиной было не плохое наставление индейцев, а их малое желание (узнать) дела веры (Ibid.: 270–271).

К тому времени, видимо, окончательно исчезли (или утратили свой авторитет) касики – они перестали упоминаться в документах.

В 1549 г. новый губернатор острова Гонсало Перес де Ангуло распорядился огласить королевскую грамоту об освобождении местных (т.е. энкомендированных) индейцев, а также индейцев-рабов (Ibid.: 312–313). Освобождение энкомендированных, хотя и вызвало протесты, было, видимо, осуществлено, а освобождение рабов затянулось из-за сопротивления местных властей. С ноября 1552 г. по август 1553 г. были освобождены индейцы-рабы на всей территории острова (Ibid.: 335, 356–357). Похоже, что в эти годы статус свободного индейца не давал ему заметного преимущества перед индейцем-рабом. Так, в январе 1552 г. городской совет Гаваны постановил наказывать 200 ударами плетью (*azotes*) индейца, свободного или раба, севшего на лошадь или в лодку. При повторном нарушении запрета нарушителю следовало вдобавок отрезать ухо (Marrero 1972: 221).

Согласно Пересу де ла Рива, на Кубе были освобождены 1800 местных индейцев (т.е. бывших в энкомьенде) и 200 – привезенных с материка (рабов). Он считал также, что на острове могло быть несколько тысяч беглых; в целом же общее количество индейцев могло составлять 5 тыс. человек (Perez de la Riva 1972: 77–78)¹⁸. Кубинский географ и историк Леви Марреро считал, что в середине XVI в. на острове проживало около 220 испанских весино, а также около 700 рабов-“негров” и около 1000 индейцев (Marrero 1972: 158). Таков был демографический результат намерений испанской короны, неоднократно оглашенных в разного рода документах, – привести аборигенов острова к цивилизованной жизни. Что касается социального аспекта, то после провозглашения “Новых законов” исчезли разные категории аборигенов – “индейцы касика”, “индейцы репартимьенто”, “индейцы пуэбло”, “местные индейцы”, “набории” и “индейцы-рабы” (включая привозных). Остались только “индейцы”.

Образование “поселений индейцев”

После выхода из-под опеки энкомьенды и освобождения от рабства большая часть индейцев, видимо, оказалась предоставлена сама себе. “Новые законы” не предписывали предоставления земли освобождаемым, и те из них, кто не остались в работниках у своего прежнего хозяина, вынуждены были “бродить” (*vagar*, по терминологии источников того времени). Неясна судьба немногих поселений индейцев (*pueblo de indios*)¹⁹ Кубы, которые, кажется, существовали в период “освобождения” и последовавших нескольких лет до появления соответствующих королевских распоряжений. Законом от июля 1552 г. разрешалось индейцев, не занятых своими делами (названы ремесленники и землепашцы), принуждать к тому, чтобы они не бездельничали (Recopilación 1841: Libro 6, título I, ley XXI).

В 1546 г. по королевскому распоряжению было создано собрание из членов Совета Индий, монахов и церковных иерархов Новой Испании. На нем было решено свести индейцев в поселения там, где это еще не было сделано. Соответствующий закон назывался *Que los indios sean reducidos á poblaciones* (“Чтобы индейцы были сведены в поселения”), он датирован 21 марта 1553 г. (Recopilación 1841: Libro 6, título 3, ley I). В нем не говорилось об отношении индейских поселений к земле. Не было и положения о самоуправлении этих поселений (оно появилось только в 1618 г.).

На Кубе поселение индейцев было образовано 12 июня 1554 г. в Гуанабакоа, чтобы разместить “бродивших по полям” индейцев для их доктринации и приведения к гражданской жизни. Это намерение было зафиксировано в актах кабильдо (городского совета) Гаваны, в юрисдикцию которой входила Гуанабакоа (Arrate 1964: 38). Городской совет Гаваны занимался делами жителей Гуанабакоа, в том числе таким важным, как наделение земель (*Azcárate Rosell* 1937: 239; *Marrero* 1974: 77–78).

Кубинский историк Х. Ле Риверенд считал, что, в соответствии с “Новыми законами”, все индейцы имели право на *весиндад* (статус весино), на земли для двора и другие земельные пожалования (*Le Riverend* 1960: 63). Подобного пункта в этих законах не было²⁰, но в актах кабильдо Гаваны более позднего времени зафиксированы просьбы индейцев о предоставлении им земельных участков (в поселении или за его границами) и об удовлетворении этих просьб. С 1550 по 1578 г. в Гаване для городских дворов (*solares*) получили земли 10 индейцев²¹. Будучи весино Гаваны, индеец Алонсо Гуанахо участвовал в выборах городского совета Гаваны (*Zayas y Alfonso* 1931: 45) и нес дозорную службу (*Marrero* 1974: 77). По сведениям, собранным Л. Марреро, в одно время с Гуанабакоа были основаны поселения индейцев в районе г. Сантьяго-де-Куба (*Ibid.*: 352–353). Жители индейских поселений восточных областей острова испрашивали земли преимущественно для возделывания сельскохозяйственных культур, но у некоторых были земли для ухода за скотом. Поселения располагали также землями, где пасся одичавший скот, который разрешалось забивать (*Ibid.*: 77).

Со временем некоторые из индейцев Кубы стали себя явно позиционировать не только как жители определенного поселения, но и как граждане острова. Так, в 1562 г. представители жителей Тринидад, где к тому времени почти два десятка лет не было испанцев, в обращении к губернатору острова назвали себя “индейцами Кубы, уроженцами вильи Тринидад” и выражали беспокойство о судьбе всего острова (*Zerquera y Fernández de la Lara* 1977: 87). Их хозяйственные занятия не отличались от того, чем занимались их соседи, испанцы вильи Санкти-Спиритус, – выращивание сельскохозяйственных культур и разведение скота. Они так же, как испанцы, были христианами и просили епископа назначить им священника. Епископ, правда, нашел среди индейцев Тринидада “столько суеверных церемоний и идолопоклонства, и тот демон гулял среди них столь обычно и любезно, как он разгуливал сто лет назад”. Но в то время, по его мнению, подчиняться церкви и обрядам веры было трудно убедить не только индейцев, но и испанцев (*Ibid.*: 93, 91).

Индейцы, даже будучи весино того или иного поселения, в целом не стали равными в правах испанцам. Это видно и по жалобам обитателей Тринидада на своих соседей, испанцев из Санкти-Спиритус, и по постоянным жалобам жителей Гуанабакоа на весино Гаваны.

Какая-то часть индейцев стала наемными работниками, занятыми в земледелии. Какое-то их число находилось вне поселений и вне испанских поместий, о чем говорят неоднократные намерения властей и отдельных испанцев второй половины XVI в. собрать их, в частности, в Гуанабакоа (*Arrate* 1964: 37;

Marrero 1974: 77–78; *Le Riverend Brusone* 1960: 63). Еще оставались группы, уклонявшиеся от контактов с испанцами. Видимо, в 1570-е годы несколько десятков таких индейцев были схвачены испанцами в болотах на юге Матансас (*Urrutia y Montoya* 1931. Т. 2: 70–71).

Смешанное испано-индейское население острова

На Кубе быстро появились лица, отцы которых были испанцами, а матери – индианками²². Начальный контингент испанцев на Кубе состоял преимущественно из мужчин, а подчиненное положение аборигенов позволяло держать местных женщин сожительницами, будь то в качестве служанки или рабыни (CDI 1888. Т. 4: 339–340). За лицами смешанного происхождения, рожденными от таких союзов, закрепилось название “метисы”. Основным критерием для применения этого названия к какому-то человеку, видимо, служило знание о том, кто были его родителями. Уже к середине XVI в., как явствует из документов, разграничение между “индейцами” и “метисами” могло быть не строгим. Так, при описании событий 1555 г., связанных с захватом Гаваны французскими пиратами, в составе защитников города были упомянуты “испанцы”, “негры” и “индейцы” (CDI 1891. Т. 6: 368, 370–371). В другом документе о них же говорилось как об “испанцах”, “метисах” и “неграх” (*Ibid.*: 390). Можно полагать, что для некоторых испанцев различие “метисов” и “индейцев” не представлялось важным. Со временем тенденция называть “индейцами” лиц индейско-испанского происхождения становится все более явной.

По отчету епископа Хуана дель Кастильо об инспекции своей епархии в 1569–1570 гг. видно, что в поселении индейцев Лос-Канеес проживало 20 женатых индейцев, а в Гуанабакоа – 60. Все еще только индейцы обитали в Тринидаде, 50 были женаты. Весино-аборигены были также в испанских поселениях Саване (10 индейцев и 10 испанцев), Санкти-Спиритус (20 и 20), Баракоа (17 индейцев и 8 испанцев) и Баямо (80 и 70) (*Papeles* 1931: 217–225). В этом перечне нет “метисов” и, скорее всего, эти лица смешанного происхождения попали в число “индейцев”, а некоторые, возможно, в число “испанцев”. В дополнении к сообщению епископа (сделанном, видимо, в метрополии), наоборот, написано, что на острове не осталось индейцев, и большинство его населения составляют “метисы” и “негры” (*Ibid.*: 226).

В “Ордонасах” 1574 г., составленных для управления Гаваной, в нескольких статьях (в четырех из 88) упоминаются “индейцы”. Одна из них предписывала учитывать интересы тех из них, что жили на землях, предоставляемых испанцам (№ 79). Еще одна регламентировала продажу вина на том основании, что “индейцы пьют вино очень беспорядочно, и по опыту видно, что, пока оно у них есть, они не работают, ничем не занимаются” (*Carrera y Justiz* 1905: 263, 274, 287). В этих распоряжениях, как и в отчете епископа Кастильо, не упоминались “метисы”.

На рубеже XVI–XVII вв. в церквах появились записи крещений, браков и смертей отдельно для “испанцев”, “негров”, “мулатов” и “индейцев”. Тогда же стали создаваться и церковные общины из этих категорий населения и, наконец, – отряды ополченцев (*Leiseca* 1938: 44; *Franco* 1985: 135–136; *Deschamps Chapeau* 1976: 20). “Метисы” в этих институтах не фигурировали. Скорее всего, население смешанного индейско-испанского происхождения светскими и духовными властями было относимо к категории “индейцев” – возможно, в силу его малочисленности. Метисы не могли расти в числе, так как постоянно уменьшалось число самих индейцев. Число метисов могло лишь уменьшаться за счет того, что при их последующих браках с испанцами (позже – “белыми”) потомки подобных браков могли восприниматься как испанцы (“белые”) (*Pichardo Moya*

1945: 17). Другой вектор уменьшения возможности индейско-испанской метисации – брачные отношения индейских женщин и метисок с “неграми”.

В начале XVII в. епископ Кубы назвал только два поселения индейцев, Гуанабакоа и Баракоа. Обитатели первого из них, по его словам, были “наполовину обиспаненными”, а второго – “обиспанены”. Индейцы, по сведениям епископа, были также в Пуэрто-Принсипе, Баямо и Сантьяго-де-Куба, где они жили в пригородах отдельными кварталами и тоже были “как обиспаненные” (*como españolados*) (цит. по: *Marrero* 1976: 14–15). Отчет другого епископа, написанный в 1620 г., отметил дальнейшее уменьшение числа индейцев или их исчезновение в некоторых поселениях. Там же епископ написал: “...нет больше индейцев на этом острове, что были бы настоящими индейцами, а лишь немногие, что я упомянул, они в каждом поселении уже смешаны с испанцами. С ними обращаются так же, как с остальными испанцами, и так же их наставляют” (*Documentos* 1973: 574).

Очевидно, что слова двух епископов свидетельствуют о том, что в их время этноним “индейцы” употреблялся по отношению к лицам смешанного происхождения, говоривших на испанском языке и исповедовавших католическую религию.

* * *

На протяжении последующих столетий компактные группы людей, называемых и называвших себя “индейцами”, сохранялись на Кубе, главным образом за счет наличия трех официально учрежденных “поселений индейцев”. Помимо Гуанабакоа на западе, это были Эль-Каней (или Сан-Луис-де-лос-Канеес), ставшее таковым в 1618 г., и Хигуани, образованное в 1701 г. (оба – на востоке острова). Гуанабакоа утратила этот статус в 1743 г., Хигуани – в 1837, а Эль-Каней – в середине XIX в. (*Александренков* 2018: 296, 306–307). На востоке острова упразднение “поселений индейцев” привело к их исходу в другие, относительно недоступные места, где они сохранили свою “индейскую” самоидентификацию. Потомков этих людей смогли изучить в XX в. физические антропологи (*Pospišil* 1976; *Rivero de la Calle* 1978).

Использование слова “индейцы” (*indios* и др. на разных языках) для обозначения коренных обитателей Америки давно уже подвергается критике, будучи рассматриваемо как наследие колониального прошлого континента (*Bonfil Batalla* 1972). Полагаю, что следует различать разные контексты использования этого слова. Изначально и последовательно оно применялось колониальными властями, хронистами, исследователями и другими (т.е. внешними наблюдателями) по отношению к коренным обитателям Америки в целом или к их отдельным этносам и группам (с добавлением их названия – например, “индейцы куна” и др.). В этом случае оно являлось и является экзонимом, и от него можно отказаться. В случае с Кубой ситуация другая – как показано в статье, слово *indios* стало использоваться и как самоназвание, т.е. стало эндонимом. Более того, к середине XVII в. этим словом стали называться люди смешанного происхождения, культура которых была отлична от культуры аборигенов начала XVI в. – в языковой, социальной и религиозной сферах.

Примечания

¹ Словом “касик” (*casique*) испанцы называли местных предводителей разного уровня – как вождей, под чьей властью находились обширные территории с многочисленным населением и которых испанцы именовали “великими касиками” или “королями”, так и тех, кто стоял во главе поселений разной величины.

² На Эспаньоле с 1502 по 1509 г. правил Николас де Овандо, имевший титул Комендатора Калатравы.

³ Лас Касас употребил слово *pescar*, которое в испанском языке означает “ловить” (как рыбу, так и других обитателей водоемов).

⁴ *Jardines* – так со времени плаваний Колумба назывались острова у берегов Кубы.

⁵ Эти острова по-испански именовались *caños*. Их обитателями, видимо, являются те, кого Лас Касас в 1516 г. назвал “индейцами Садов”.

⁶ *Encomienda* (вручение), синоним – *repartimiento* (разделение). Институт приобрел окончательную форму в “Законах Бургоса” 1512 г., которыми предусматривалось, что испанец, получивший работников в энкомьенду, мог располагать ими по своему усмотрению и, в свою очередь, должен был приобщать их к христианской вере, вознаграждать за труд, а также обеспечивать пищей и одеждой.

⁷ В другом издании документа названы “семь тысяч душ” (CDI 1891. Т. 6: 8).

⁸ В другой работе Лас Касас написал: по причине того, что у истощенных матерей пропадало молоко, только за три месяца умерло 7 тыс. детей (*Las Casas* 1951. Т. III: 91).

⁹ Арроба – мера веса; кастильская арроба равнялась приблизительно 11,5 кг.

¹⁰ Лас Касас утверждал, что захват местных женщин был обычным делом для испанцев в Индиях (*Las Casas* 1951. Т. II: 535).

¹¹ Во второй половине 1520 г., после смерти прежнего энкомендеро, одна треть индейцев и наборий поселения досталась его вдове, а остальные, числом 120, 45 и 4 человека, были вручены другим испанцам (CDI 1888. Т. 4: 113–114).

¹² Схожим образом через несколько лет высказался епископ Кубы (CDI 1891. Т. 6: 183–185).

¹³ Так тогда называли темнокожих рабов.

¹⁴ О борьбе аборигенов Кубы против испанцев см.: *Ibarra* 1976.

¹⁵ Ямайка не была названа, видимо, по той причине, что к тому времени число проживавших там аборигенов было незначительным.

¹⁶ Епископ не был в Санкти-Спиритус и узнал о нем со слов его жителей. Видимо, поэтому он не указал другие категории населения.

¹⁷ Испанцев там не было приблизительно с 1534 до 1570 г. (*Zerquera y Fernández de Lara* 1977: 82, 85).

¹⁸ В завершении статьи автор назвал 5–6 тыс. (*Perez de la Riva* 1972: 82).

¹⁹ О такого рода поселениях говорилось в королевской грамоте для епископа, датированной мартом 1541 г. (CDI 1891. Т. 6: 158–159).

²⁰ Лишь законом от 1 декабря 1573 г. предусматривалось, что вновь образованные поселения индейцев должны “располагать водами, землями” для возделывания и для общинного выпаса (*exido*) и лесами (*Recopilación* 1841: Libro 6, título 3, ley VIII).

²¹ Для сравнения, в тот же период: испанцы – 174, вдовы испанцев – 12, свободные “негры” – 1, свободные “негритянки” – 6 (*Marrero* 1974: 82–83).

²² Не знаю ни одного случая из раннего колониального времени, когда брачную пару составляли бы отец-индеец и мать-испанка.

Источники и материалы

Arrate 1964 – *Arrate J.M.F. de. Llave del Nuevo Mundo. Antemural de las Indias Occidentales. La Habana descripta: noticias de su fundación, aumentos y estados. La Habana: Comisión Nacional de la UNESCO, 1964.*

Azcárate Rosell 1937 – *Azcárate Rosell R. Historia de los indios de Cuba. La Habana: Editorial Trópico, 1937.*

- Bernaldez* 1875 – *Bernaldez B.A.* Historia de los Reyes Católicos. T. 2. Sevilla: Imprenta que fué de D. José María Geofrin, 1875.
- CDI 1869 – Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas, sacados de los Archivos del Reino, y muy especialmente del de Indias. T. XI. Madrid: Imprenta de J.M. Perez, 1869.
- CDI 1885–1932 – Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar. Segunda serie. T. 1–25. Madrid: Est. Tipográfico “Sucesores de Rivadeneyba”, 1885–1932.
- Colón* 1944 – *Colón F.* Historia del Almirante de las Indias don Cristobal Colón. Buenos Aires: Editorial Bajel, 1944.
- Colón* 1961 – *Colón Cr.* Diario de navegación. La Habana: Publicación de la comisión Nacional Cubana de la UNESCO, 1961.
- Cuneo* 1893 – *Cuneo M. de.* Lettera // Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana pel quarto centenario dalla scoperta dell’America. P. III. T. II. Roma: Il Ministero Della Publica Istruzione, 1893. P. 95–107.
- Documentos 1973 – Documentos para la historia de Cuba. T. I. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1973.
- Konetzke* 1953 – *Konetzke R.* Colección de documentos para la historia de la formación social de Hispanoamérica 1493–1810. Vol. I (1493–1592). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1953.
- Las Casas* 1951 – *Las Casas B. de.* Historia de las Indias. T. I–III. México; Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 1951.
- Las Casas* 1958 – *Las Casas B de.* Obras escogidas, V. Opúsculos, cartas y memoriales. Madrid: Ediciones Atlas, 1958.
- Martyr D’Anghera* 1912 – *Martyr D’Anghera P.* De Orbe Novo. The Eight decades of Peter Martyr d’Anghera: 2 vols. T. 1 // Translated from the Latin with Notes and Introduction by Fr. A. MacNutt. N.Y.: The Knickerbocker Press, 1912.
- Papeles 1931 – Papeles existentes en el Archivo General de Indias relativos a Cuba y muy particularmente a la Habana. T. I (1512–1578). La Habana: Imprenta “El Siglo XX”, 1931.
- Recopilación 1841 – Recopilación de leyes de los reinos de las Indias. Tomo segundo. Quinta edición. Marid: Boix editor, 1841.
- Urrutia y Montoya* 1931 – *Urrutia y Montoya I.J. de.* Teatro histórico, jurídico y político militar de la isla Fernandina // Obras del doctor Ignacio José de Urrutia y Montoya. T. 1–2. La Habana: Academia de la Historia de Cuba, 1931.
- Zayas y Alfonso* 1931 – *Zayas y Alfonso A.* Lexicografía antillana. Diccionario e voces usadas por los aborígenes de las Antillas Mayores y de algunas de las Menores y consideraciones de su significado y de su formación. T. II. Habana: Tipos.-Molina y cía., 1931.

Научная литература

- Александренков Э.Г.* Аборигены Эспаньолы в отчете о разделении 1514–1515 гг. // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 81–92.
- Александренков Э.Г.* Аборигены Больших Антильских островов в колониальном обществе (конец XV – середина XVI вв.). М.: ИЭА РАН, 2018.
- Bonfil Batalla G.* El concepto de indio en América: Una categoría de la situación colonial // Anales de Antropología. 1972. Vol. 9. P. 105–124. <http://dx.doi.org/10.22201/iaa.24486221e.1972.0.23077>
- Carrera y Justiz F.* Introducción a la historia de las instituciones locales de Cuba. T. 2. Habana: La Moderna Poesia, 1905.

- Deschamps Chapeau P.* Los batallones de pardos y morenos libres. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1976.
- Franco J.L.* Apuntes para una historia de la legislación y administración colonial en Cuba (1511–1800). La Habana: Editorial Ciencias Sociales, 1985.
- Ibarra J.* La gran sublevación india de 1520 a 1540 y la abolición de las encomiendas // Santiago. Revista de la Universidad de Oriente. 1976. No. 22. P. 61–86.
- Le Riverend Brusone J.J.* La Habana (Biografía de una provincia). La Habana: Academia de la Historia de Cuba, 1960.
- Leiseica J.M.* Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba. La Habana: Talleres tipográficas de Carasa y Cía, 1938.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 1. Río Piedras: San Juan, 1972.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 2. Madrid: Playor, 1974.
- Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. T. 3. Madrid: Playor, 1976.
- Morales Padrón Fr.* Teoría y leyes de la conquista. Madrid: Edición cultura hispánica, 1979.
- Pérez de la Riva J.* Desaparición de la población indígena de Cuba // Universidad de la Habana. 1972. Num. 196–197 (2–3). P. 61–84.
- Pichardo Moya F.* Los indios de Cuba en sus tiempos históricos. La Habana: Academia de la Historia, 1945.
- Pospíšil M.* Indian Remnants from the Oriente Province, Cuba. Bratislava: Univerzita Komenského pre Prírodoved, fak. UK v Bratislave, 1976.
- Rivero de la Calle M.* Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente // Cuba Arqueológica. Santiago de Cuba: Editorial Oriente, 1978. P. 149–176.
- Zerquera y Fernández de Lara C.* La villa india de Trinidad en el siglo XVI // Revista de la Biblioteca Nacional José Martí. 1977. Num. 2, Agosto. P. 71–94.

Research Article

Aleksandrenkov, E.G. On “Guanahatabeys”, “Siboneys”, and “Indians”: The Aborigines of Cuba in the 16th – First Half of the 17th Century [“Guanakhatabei”, “sibonei”, “indeitsy”: aborigeny Kuby v XVI–pervoipolovine XVII v.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 178–195 <https://doi.org/10.31857/S0869541522060100> EDN: MRVFZP ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Eduard Aleksandrenkov | <http://orcid.org/0000-0003-2139-7353> | ed_alex@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Cuba, Indians, Guanahatabeys, Ciboneys, encomienda, pueblo de indios

Abstract

In the available Spanish sources related to the period when Spain conquered and colonized Cuba (the first quarter of the 16th century), there are but two words by which various groups of the local population were addressed – Guanahatabeys and Ciboneys. In the later periods, the Spanish did not use these ethnonyms and referred to all natives as Indians. During the first colonization years, the numbers of native residents of the island significantly decreased. Furthermore, they kept mixing with the Spanish. In Cuba, however, a distinctive population category such as mestizo did not take shape, and individuals of mixed ancestry would be uniformly called Indians by the mid-17th century. Moreover, this word became a self-designation for a part,

albeit small, of the island's population. This article attempts to explore these historical transformations which have not received enough attention in scholarly literature.

References

- Aleksandrenkov, E.G. 2017. Aborigeny Espan'oly v otchete o razdelenii 1514–1515 gg. [Española's Natives in the Account of Repartimiento of 1514–1515]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 81–92.
- Aleksandrenkov, E.G. 2018. *Aborigeny Bol'shikh Antil'skikh ostrovov v kolonial'nom obshchestve (konets XV – seredina XVI vv.)* [Natives of the Greater Antilles in the Colonial Society (Late 15th – Mid 16th Centuries)]. Moscow: IEA RAN.
- Bonfil Batalla, G. 1972. El concepto de indio en América: Una categoría de la situación colonial [The Concept of Indian in America: A Category of the Colonial situation]. *Anales de Antropología* 9: 105–124. <http://dx.doi.org/10.22201/iaa.24486221e.1972.0.23077>
- Carrera y Justiz, F. 1905. Introducción a la historia de las instituciones locales de Cuba [Introduction to the History of Cuba's Local Institutions]. Vol. 2. Habana: La Moderna Poesia.
- Deschamps Chapeau, P. 1976. *Los batallones de pardos y morenos libres* [The Battalions of Pardos and Free Morenos]. La Habana: Editorial Arte y Literatura.
- Franco, J.L. 1985. *Apuntes para una historia de la legislación y administración colonial en Cuba (1511–1800)* [Notes for a History of Colonial Legislation and Administration in Cuba (1511–1800)]. La Habana: Editorial Ciencias Sociales.
- Ibarra, J. 1976. La gran sublevación india de 1520 a 1540 y la abolición de las encomiendas [The Great Indian Uprising of 1520 to 1540 and the Abolition of Encomiendas]. *Santiago. Revista de la Universidad de Oriente* 22: 61–86.
- Le Riverend Brusone, J.J. 1960. *La Habana (Biografía de una provincia)* [Havana (Biography of a Province)]. La Habana: Academia de la Historia de Cuba.
- Leiseca, J.M. 1938. *Apuntes para la historia eclesiástica de Cuba* [Notes for the Ecclesiastical History of Cuba]. La Habana: Talleres tipográficas de Carasa y Cía.
- Marrero, L. 1972. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. Vol. 1. Río Piedras: San Juan.
- Marrero, L. 1974. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. Vol. 2. Madrid: Playor.
- Marrero, L. 1976. *Cuba: economía y sociedad* [Cuba: Economy and Society]. Vol. 3. Madrid: Playor.
- Morales Padrón, Fr. 1979. *Teoría y leyes de la conquista* [Theory and Laws of Conquest]. Madrid: Edición cultura hispánica.
- Pérez de la Riva, J. 1972. Desaparición de la población indígena de Cuba [The Disappearance of the Indigenous Population of Cuba]. *Universidad de la Habana* 196–197 (2–3): 61–84.
- Pichardo Moya, F. 1945. *Los indios de Cuba en sus tiempos históricos* [The Indians of Cuba in Their Historical Times]. La Habana: Academia de la Historia.
- Pospíšil, M. 1976. *Indian Remnants from the Oriente Province, Cuba*. Bratislava: Univerzita Komenského pre Prírodoved, fak. UK v Bratislave.
- Rivero de la Calle, M. 1978. Supervivencia de descendientes indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente [Survival of Descendants of American Indians in the Area of Yateras, Oriente]. In *Cuba Arqueológica* [Archaeological Cuba], 149–176. Santiago de Cuba: Editorial Oriente.
- Zerquera y Fernández de Lara, C. 1977. La villa india de Trinidad en el siglo XVI [The Indian Town of Trinidad in the 16th Century]. *Revista de la Biblioteca Nacional José Martí* 2 (Agosto): 71–94.